

## СТОХАСТИЧЕСКИЙ ГЕНОТИП АНТИЧНОГО МЫШЛЕНИЯ: АТОМИЗМ ДЕМОКРИТА

*Стохастический генотип как механизм догадки в сознании человека систематически обнаруживается в учении Демокрита, положившего начало элементарной физике природы.*

**Ключевые слова:** атом, действительность, природа, познание, истина, догадка.

A.E. Kolomeitsev  
A.D. Savelyev

## STOCHASTIC GENOTYPE OF ANCIENT THOUGHT: ATOMISM OF DEMOCRITUS

*Stochastic genotype as a mechanism for speculation in the mind of man is systematically found in the teachings of Democritus, who initiated the elementary physics of nature.*

**Keywords:** atom, the validity, nature, knowledge, truth and conjecture.

---

Гносеологический статус действительности отображен в учении Демокрита в понятии истины. Действительность при этом определяется как мера становления бытия, истина – как устойчивая мера знания, а в целом – действительность и истина получают форму тождественно-значимых сторон объективности, что приводит к адекватности в текстах доксографов выражений «поистине» и «в действительности», относящихся к трактовке онтологических и гносеологических позиций Демокрита. Этот факт отмечен Галеном в следующих словах: «Природу же самих вещей он, в свою очередь, обозначает <выражением>: «в действительности», сочинив термин от слова «действительное», что означает: «истинное» (Гален. Об элементах по Гиппократу, I, 2). Неразрывность действительности с познанием и истиной составляет важную особенность теории познания Демокрита. По его убеждению, «нет ничего истинного и научно постигаемого, кроме первых элементов: атома и пустоты. Ибо только они существуют по природе, <все же прочие вещи> образуются из них» (Аэций. IV, 9, 8). «Согласно общепринятому мнению существует теплое, согласно общему мнению суще-

ствует холодное, в действительности же <существуют лишь> атомы и пустота» (Диоген, IX, 72). «Демокрит иногда отвергает чувственно воспринимаемые явления и говорит, что ничто из них не является поистине, но лишь по мнению, поистине же существуют <только> атомы и пустота» (Секст. Против математиков, VII, 137). Действительность Демокрита структурирована, субстанциальна, причинностна, сущностна, а принципы симметрии и исономии, реализующиеся в ней, позволяют ему осуществить бинарный синтез противоположностей: атомов и пустоты в структурности, конечного и бесконечного в субстанциальности, необходимости и случайности в причинности, внешнего и внутреннего в сущностном и т.д. Его исследовательская программа в отношении к действительности при этом носит не только аналитически-расчленяющую, но и синтетически-конструктивную форму: он строит физическую модель мира и использует все кирпичики, которые находит в природе, ибо в действительности нет ничего лишнего, т.е. такого, что обладало бы большим правом на существование, чем иное, – объективность многообразна и определения ее аспективны до взаимоисключения и противоположности. Поэтому в организации мировой системы Демокрит находит место не только необходимости, но и случайности, не только порядку, но и беспорядку, не только движению, но и вихрю, не только целесообразности,

<sup>1</sup> Кандидат философских наук, доцент кафедры философии образования Московского института открытого образования.

<sup>2</sup> Кандидат технических наук, доцент НОУ ВПО «Российский новый университет».

но и спонтанности, т.е. тому единству противоположных сторон объективности, одна из которых была отброшена и Пифагором, и Платоном.

Научно-созидательная особенность мышления Демокрита, когда, как отмечает В.И. Ленин, «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [3, с. 194], терминологически отмечена уже Цицероном, который называл Демокрита «изобретателем» (Цицерон. О судьбе, 10, 23), т.е. человеком, ум которого теоретическое творчество рассматривает не как самоцель, а как средство для целесообразного конструирования и построения: у Демокрита – для решения задачи по истинному воспроизведению действительности в сознании человека как отражения, в котором содержание объективной реальности обретает адекватную ей субъективную форму, ибо «что бы мы ни называли реальностью, – отмечают И. Пригожин и И. Стенгерс, – она открывается нам только в процессе активного построения, в котором мы участвуем» [6, с. 364]. Конструктивные функции ума здесь дополняются определенной концептуальной платформой, поскольку «простая истина состоит в том, что ни измерение, ни эксперимент, ни наблюдение невозможны без соответствующей теоретической схемы» [9, с. 5], но именно мировоззренческие концепты Демокрита исторически легли в основу современного естествознания и его теоретических схем, хотя в конструктивном соотношении с используемыми им принципами – исономии, исорропии и симметрии – Демокрит обогнал свое время, явив живой пример гениального творчества и создав барьер непонимания для своих современников, а отсутствие к тому же соответствующего математически-символического или логико-понятийного формализма в его учении превратили непонимание в неприятие и непризнание и самого стиля мышления, которому в будущем суждено было стать доминирующим в естественно-научном познании мира. По свидетельству Цицерона, например, Стратон из Лампсака сообщает о себе, «что для создания мира он не нуждается в услугах богов, и учит, что все то, что существует, создано природой, но не так, как учит тот знаменитый человек, который утверждает, что эти <вещи> образовались путем соединения шероховатых, гладких, крючковатых и изогнутых тел, в промежутке между которыми находится пустота: он считает, что все это бредни Демокрита, не доказывающего это, а лишь желающего, чтобы так было» (Цицерон. Академические исследования, II, 38, 121). Структурные особенности и принципы построения своей модели космического устройства показываются, а не доказываются Демокри-

том, а соответственно – диалектика становления космоса у него не дополняется диалектикой организации мышления, о которой в последующем Платон писал, что диалектиком мы именуем «того, кому доступно доказательство сущности каждой вещи» (Государство, 534 в.), – поэтому в своей оценке гипотетических конструкций древнегреческих атомистов Энгельс называет их «гениальной догадкой» [5, с. 355], в которой мир дан в общем, как одно целое: «всеобщая связь явлений природы не доказывается в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания» [5, с. 369].

Стохастический генотип – это врожденная способность человека к догадке (stochasis), а в жизненном целом – это умение человека вдумываться в ситуационные (теоретические или практические) проблемы или задачи и в их решении мысленно точно попадать в цель (попасть в самую точку). Бинарная особенность в расчленении анализируемого предмета является характерной чертой философии Демокрита: «уль» и «нуль», «чего» и «ничего», «полное» и «пустое», «бытие» и «небытие», «порядок» и «беспорядок» и т.д. При этом «раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними» [3, с. 317] Демокрит понимает не только как гносеологический акт анализирующего сознания, но и как действительный процесс самореализации материи. Генезис мер, т.е. порождение новых качеств, не мифифицируется Демокритом и не является в его глазах таинством провидения: качественное многообразие космоса, по Демокриту, генерируется «посредством движения» (Симпликий. Комм. к «Физике», 1120, 18), которое есть «как бы некоторая жизнь, присущая всему возникшему в природе» (Аристотель. Физика, VIII, I). В трактовке качества Демокрит исходит из материалистического принципа, признающего, что, прежде всего «существуют не качества, а только вещи, обладающие качествами» [5, с. 547]. Чувственное соотношение человека с вещами для него не безусловно, или, как сообщает Секст Эмпирик, Демокриту принадлежат следующие слова: «В самом деле, мы ничего непреложного не воспринимаем, но лишь нечто изменяющееся в зависимости от того, как организовано наше тело, от того, что к нему притекает, и от того, что реагирует на этот приток» (Секст. Против математиков, VII, 136). Элемент субъективности ощущений, по Демокриту, заключается в том, что с их помощью мы не воспринимаем отчетливо того, какова каждая вещь в действительности. «Одно и то же, – отмечает он, – одним из отвеждающих кажется сладким, а другим – горьким, ...

да и каждому в отдельности не всегда представляется в восприятии одинаковым одно и то же» (Аристотель. *Метафизика*, III, 5). «Одно и то же» может быть различным в зависимости от широты осмысленного взгляда, глубины разумного чувствования, силы эмоционального переживания – поэтому и человек у Демокрита, обладающий ясностью и отчетливостью мышления, и видит дальше, и слышит больше, что определяет он сам словами: у мудреца «больше чувств <ἀισθησεις>» (Аэций, IV, 10, 4).

Ощущения являются, по мысли Демокрита, источником знания, но, взятые со стороны сущности, они, по его мнению, отличаются малой устойчивостью, поэтому и знание, получаемое «при помощи чувственных восприятий, он именуется «темным» <σκοτιν>, лишая его постоянства в отношении распознавания истины» (Секст Эмпирик. *Против ученых*, VII, 138) – инварианта познания. Соответственно, признавая в целом достоверность чувственных восприятий, т.е. должным образом полагая, что содержание чувственных представлений необходимо «считать соответствующим действительности» (Аристотель, *Метафизика*, III, 5), Демокрит устанавливает границы адекватности чувственности – некоторый порог соизмеримости, за пределами которого выдвигается новый «критерий для исследования – понятие» (Секст. *Против математиков*, VII, 140), от которого «не ускользает» <μὴ ληθον> «истинное» <ἀληθες>» (Секст Эмпирик. *Против ученых*, VIII, 8). «Учение Демокрита о соотношении разума и чувств в процессе познания, – пишет Б.Б. Виц, – было большим завоеванием античной философии. Это соотношение понималось, по сути дела, как единство противоположностей» [1, с. 93]: здесь чувственное воспринято как основание мышления, а мысленное показано как оформление и выражение чувственного как содержательного основания, что обуславливает объективное тождество мыслей и чувств по содержанию, отмеченное в словах Филопона о том, что Демокрит «считает, что мыслить и чувствовать – это одно и то же» (Филопон. *Комм. к «О душе»*, I, 2, с. 35, 12).

В основание тождественности мысленного и чувственного у Демокрита положена структура объективности, поэтому Феофраст, например, характеризуя концептуальное различие систем Демокрита и Платона, отмечает, что «один <Демокрит>, считая, что <качества> есть <лишь> состояния ощущающего, тем не менее устанавливает природу <т.е. объективное существование> этих качеств самих по себе, другой же <Платон>, считая, что <эти качества> существуют сами по себе, тем не менее сводит их к состо-

яниям ощущающего» (Феофраст. *Об ощущениях*, 60). При этом «качества» Демокрита являются продуктом реального объединения атомов и выражают собой целостные аспекты этого единства. «Демокрит говорит, что ни одно из чувственно воспринимаемых качеств не существует как субстанция» (Секст. *Против математиков*, VIII, 184), но они суть «производное, отличающееся друг от друга положением, порядком и формой, только состояние <συμβεβηκότα>» (Аэций, IV, 9, 8). Познание становится у Демокрита мерой объективности, а бинарный синтез несоизмеримого – гетерогенное единство – рассматривается им как естественная процедура следования мысли за процессами, имеющими место в действительности. Синтетическое единство снимает различие объединяемых качеств в новой мере, поэтому сторонники Демокрита «объясняют возникновение вещей друг из друга соединением <συνθεσει> величин или атомов» (Симпликий. *Комм. к «О небе»*, 659, 13). Разумное мышление при этом являет собой непрерывное установление соизмеримости между вещами, свойствами, отношениями с определенной точки зрения и одновременно – синтез всех точек зрения как аспектов многообразия в одно целое. Итоговая мысль Демокрита передана нам в следующих словах: «Мудрец – мера всех существующих вещей. При помощи чувств он – мера чувственно воспринимаемых вещей, а при помощи разума – мера умопостигаемых вещей» (Альберт Великий. *Этика*, I, 1, 3).

Гносеологическая позиция Демокрита определяет и его отношение к хаосу. В отличие от Пифагора и Платона, он не отступает перед трудностями логического рассмотрения этой категории, а придает ей статус неупорядоченного движения. Беспорядок Демокрит понимает как состояние материи, качественная определенность которой заключается в неподчинении законам зримого космоса, ибо до образования миров – в безграничности и безвременности – «находились бесчисленные тела как бы неразделенные, как полагал Демокрит» (Фемистий. *Комм. к «О небе»*, III, 2, 24). Отсюда и становление Космоса в его учении выступает не только как становление состояния, когда «мир стал заключать в себе весь наблюдаемый в нем стройный порядок» (Диодор, I, 7, I), но и как формирование способа сосуществования <синергии> предметов и их отношений <отдельного> в рамках динамически организованного целого. Действительность неупорядоченного у Демокрита реализует свою необходимость в спонтанности, или, как сообщает об атомистах Аристотель, «спонтанно, по их словам, возникают вихрь и движение, разделив-

шие <элементы> и приведшие вселенную в этот порядок» (Физика, II, 4). Сам же Аристотель, по свидетельству Симпликия, резко возражал тем, «которые считали протиестественное более первичным, чем естественное. Это были сторонники Демокрита, утверждавшие, что в бесконечной <αλεῖρωι> пустоте бесконечное число атомов <αλεῖρα ατομα> носилось еще за бесконечное время <αλεῖρων χρόνον> до возникновения миров» (Симпликий. Комм. к «О небе», 591, 12), а также полагавшие, что «беспорядок существует согласно природе» (там же, 589, 4) и что «естественным движением является беспорядочное движение» (там же). Отождествляя упорядоченное с естественным и понимая его как безусловно однозначное и единственно закономерное, Аристотель утверждал, что «нелепо допускать, что тела имеют беспорядочное движение» (О небе, III, 2), а в аргументации своих возражений он опирался на тезис о том, что «сказать “беспорядочно” – это то же, что сказать “протиестественно”» (Симпликий. Комм. «О небе», 589, 4). Поэтому в раздельности взаимодействия он вынужден был искать основание регулярности как силы, превышающей свое физическое содержание, в то время как материальные процессы самовоздействия, рассматриваемые Демокритом, предполагали конструктивные формы актуализации принципа различия в рамках тождественного единства всего существующего – факт, зафиксированный в словах самого Аристотеля о том, что «Демокрит, по-видимому, принимал три вида различия: тело, являющееся субстанцией, т.е. материю, он считал единым и тождественным, а различие объяснял или «рисомом», т.е. формой, или «тропой», т.е. положением, или «диатигой», т.е. порядком» (Метафизика, VII, 2).

Единство перечисленных различий организует в физическом мире Демокрита некоторую структуру состояний, определяющую глобальную особенность естественного, заключающуюся в том, что «все существующее в природе есть не что иное, как тела, пустота и их состояния» (Августин. Послание к Диоскору, 118, 31). Всеобщая форма единства, охватывающая тела, пустоту и их состояния, актуализируется при этом в материальности, которая равным образом обуславливает составляющие свои элементы и выражает данную равноправность в действительности принципа исономии, в соответствии с которым выявляется, «что бытие существует не в меньшей мере, чем небытие, и что и то и другое в равной мере является причиной происходящего» (Симпликий. Комм. к «Физике», I, 2, с. 28, 4). Причинность, в свою очередь по со-

общению Симпликия, все естествоиспытатели сводят «к <природной> необходимости, говоря, что в силу необходимости такая-то вещь имеет такие-то свойства. При этом они все сводят к материи, считая именно ее этой необходимостью, так как из того или иного присущего материи свойства возникает по необходимости то или иное <явление>» (Симпликий. Комм. к «Физике», 369, 20). Необходимость не носит у атомистов характера абстрактной всеобщности, а реализует свое содержание в определениях движения как атрибутивной формы существования материи, и «Демокрит, изобретатель атомов, <исходя> из этого счел за лучшее допустить, что все происходит в силу <сквозной> необходимости, чем лишить движение атомов его обусловленного природой <характера>» (Цицерон. О судьбе, 10, 23). Движение, обусловленное необходимостью, реализует не только ее внешнюю сторону, когда «Демокрит <называет необходимостью> взаимоотношквание, движение и удар материи» (Аэций, I, 26, 2), но и выявляет в спонтанности имманентный момент ее всеобщности – поэтому Демокрит, «говоря о частных явлениях (как, например, разбирая, почему бывает теплое и белое, почему мед сладок?), он считает причиной их положение, порядок и форму атомов, а причиной самого возникновения вселенной – спонтанность» (Филопон. Комм. к «Физике», II, 4, с. 261, 31).

Космос Демокрита есть определенного рода устройство, построенное на принципах причинной связи. Он утверждал, что ни одна вещь «не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости» (Аэций, I, 25, 4). В материи, полагает Демокрит, «есть нечто, что может потенциально превращаться во все» (Александр. Комм. к «Метафизике», 673, 19). Вначале «все было вместе потенциально, но не актуально» (Аристотель. Физика, III, 4). Под «началом» Демокрит понимает не время, ибо все природное существует у него вечно, т.е. безначально и бесконечно, а состояние естественного, или протосостояние существующего в данности и чувственно воспринимаемого – в форме свойств, отношений и качеств. «Античная философия, – отмечает Ф. Энгельс, – первоначально представляла собой стихийный материализм» [5, с. 640], а соответственно и материальное начало в учении Демокрита имеет в самом себе достаточные основания для самоосуществления и полной реализации всех моментов своего многообразия. Нет ни в чем существующем нематериального начала – таков основной принцип атомистического учения Демокрита, послуживший Гегелю основанием для

утверждения мысли – правда, в форме, не свойственной древнегреческому стилю мышления – мысли о том, что в атомистическом учении «заключается представление о в-себе-бытии природы вообще» [2, с. 269]. В сообщении же Стобея мысль Демокрита о самостийном бытии природы выражена существенно яснее, поскольку слова Демокрита, относящиеся к природе, гласят, что она «сама себе довлеет <αὐταρχής>» (Стобей, II, 9, 5), или имеет начало в самой себе.

Научная пронизательность Демокрита в оценке взаимосвязи потенциального и актуального в действительности проявилась в его учении прежде всего в том, что из различных форм движения, которые были известны древнегреческим мыслителям, он подверг рассмотрению не только движение в отношении места, которому, как полагал, например, Аристотель, «необходимо быть первым» (Физика, VIII, 7), но и движение в отношении состояния – качественное превращение, – распространив тем самым значение исходного понятия до широты всеобщности, когда движение в применении к материи выступает как «изменение вообще» [5, с. 563]. Выйдя за рамки тривиального понимания движения, Демокрит смог представить в целом и всеобщую картину условий, «при которых оно происходит в природе» [5, с. 544], а соответственно и включить в рассмотрение такие его формы, как переходные состояния, видоизменение связей и перемена отношений, которые взаимодополняют и взаимообуславливают друг друга. Становление и развитие Космоса при этом рассматривается Демокритом с позиции его самоорганизации, как переход материи из одного состояния в другое, от беспорядка к порядку, как становление регулярности и правильности, установление симметрии и меры.

Качественное состояние материи, позволяющее обнаружить ее первичные принципы и свойства, Демокрит обозначает термином «вихрь». Вихрь – это исходная форма движения, которая включает в себя как свои моменты неупорядоченности и необходимости: «в силу необходимости и вследствие вихря» (Секст. Против математиков, IX, 113). Вихреобразное состояние материи являет собой одну из модификаций движения, которое само по себе не нуждается, по мысли Демокрита, в обосновании своего начала, «ибо он не считает нужным искать начало вечного» (Аристотель. Физика, VIII, I). Вихрь Демокрита может быть изображен и чисто механически, как это мы видим, например, в «Истории древней философии» неокантианца Виндельбанда, где гетерономная действительность Демокрита получает весьма узкую, механистическую интер-

претацию, которой ранее следует и Гегель в своей историко-философской реконструкции атомистического учения. Концептуальное содержание космогонической модели Демокрита, которого К. Маркс называл «первым энциклопедическим умом среди греков» [4, с. 126], весьма обедняется в таком элементарно-физикалистском представлении, и, по сути дела, здесь мы имеем пример абстрактного взгляда на содержание мысли, когда все непонятое в ней объявляется неистинным. В идеалистическую схему Гегеля не могла «вместиться» естественно-научная диалектика соотношения атомов и амер, порядка и беспорядка, движения и вихря, необходимости и спонтанности, а принципы самодвижения и самоорганизации могли быть соотнесены лишь с интеллигибельным абсолютом, а не с развивающейся материей. Излагая древнегреческую атомистику, «вихри» атомов, отмечает В.И. Ленин, «Гегель не видит в этом никакого интереса» [3, с. 239], а сама атомистическая картина мира выглядит в его изображении как «пустое представление» [2, с. 272]. Резюмируя основания данной установки философского анализа, В.И. Ленин отмечает: «Слепота Гегеля, однобокость идеалиста!!» [3, с. 239].

В онтологическом аспекте «вихрь» Демокрита выводит апейронное <неопределенное> состояние материи на уровень ее первоначальной структурной определенности; в гносеологическом же плане – введение понятия вихря означает становление понятия материи как предмета научного мышления. Характеризуя в целом особенности диалектики естествознания, Ф. Энгельс отмечает, что предметом исследования здесь является движущееся вещество, а «различные формы и виды самого вещества можно познать опять-таки через движение; только в движении обнаруживаются свойства тел; о теле, которое не находится в движении, нечего сказать» [5, с. 563]. Таким образом, вихреобразное состояние материи характеризует ее не только со стороны единичного образующего – атома, но и со стороны первичной всеобщности существования – необходимости. «Необходимость, – определяет В.И. Ленин, – = «общее бытия» (всеобщее в бытии) (связь, «абсолютное опосредствование»)» [3, с. 237], а это, в свою очередь, означает, что «вихрь» Демокрита являет собой физическую демонстрацию основания непосредственного бытия, исходную форму действительности материальной организации, безусловную связь: познание необходимости есть установление связи, а конкретизация связи есть выявление необходимости. «Все происходит в силу необходимости, причем причина возникновения всех

вещей – вихрь, который Демокрит называет необходимостью» (Диоген Лаэций, IX, 45).

Раскрывая особенности вихреобразного движения, Демокрит наглядным образом представлял неединственность пространственной метрики движения, т.е. зависимость представлений о пустоте от динамической организации движения, характера взаимоотношений и взаимосвязи атомов. По сообщению Сенеки, «Демокрит говорит: “Когда в тесном пустом пространстве находится много телец <Демокрит называет их атомами>, возникает ветер <ventum>”» (Сенека. Естественнонаучные вопросы, V, 2). Здесь само представление о «тесноте пустого» свидетельствует о том, что «пространство» понималось Демокритом не только в качестве мысленной целостности, сохраняющей свою форму – абстрактного понятия, но и в форме изменяющегося единства актуального, определяющего самое целостность восприятия и мышления – как форма существования материи. Материя в учении Демокрита имеет форму телесного и бестелесного, но, будучи единством всеобщего рода, «пустота» в качестве материального пространства гетерономна в своих определениях и может выступать, по мысли Демокрита, со стороны существенно в некоторый данный момент признака: «Это пространство он называет различными именами: “пустота”, “нуль”, “бесконечное”» (Симпликий. Комм. к «О небе», III, I, с. 294, 33). Характеристическая множественность пространственных обозначений связана у Демокрита с формами движения атомов в рамках фиксированного состояния физической системы. Поэтому в своем учении о движении он оказался выше элеатских воззрений на природу пустого, и отсутствие пустоты в их понимании вовсе не исключало, с точки зрения Демокрита, возможности движения – с той лишь его особенностью, что тела, например, «могут уступать друг другу место одновременно, при отсутствии какого-либо отдельного промежутка, существующего наряду с ними», – именно так описывал природу вихревого движения впоследствии Аристотель (Физика, IV, 7). Соответственно «пространство» Демокрита – это не только то, что отделяет атомы друг от друга – как это понимает, например, Горгий, когда «вместо “пустота” он говорит “отделены друг от друга”» (Псевдоаристотель. О Мелиссе, Ксенофане и Горгии, 6), – но и то, что объединяет, связывает, «склеивает» атомы в одно целое: «Сторонники Демокрита называют пустотой место <τόπον>, в котором находятся атомы, а все прочие просто высмеивают этот взгляд» (Феодорет, IV, 14).

Спонтанность и вихрь как атрибутивные ха-

рактеристики существования материи, лежащие в фундаменте ее космической организации, послужили в дальнейшем развитии атомистики основанием для идеи «естественного возмущения» Лукреция – «клинамен» – как спонтанного и непредсказуемого отклонения атомов, ответственного за их столкновение и образование скоплений, порождающих вещи. Возникающий под действием «клинамена» вихрь давал начало всему миру и всем явлениям в природе, и «Лукреций, можно сказать, “изобрел” клинамен в том же смысле, в каком “изобретаются” археологические объекты: прежде чем начинать раскопки, необходимо “угадать”, что развалины древнего сооружения находятся в данном месте» [6, с. 376]. Древним же сооружением в данном случае явилась захороненная историческими пластами идеализма теоретическая конструкция Демокрита, созданная за четыре века до модели Лукреция и вновь возрожденная не только в его учении, но и в новых представлениях современной физики как «представлениях о хаосе внутри порядка, или, что то же самое, о порядке, который господствует над царящим в его более глубоких недрах хаосе» [7, с. 272].

Галерея космических портретов Демокрита, таким образом, открывается материей в апейронном состоянии, которое необходимо понимать не в преходящем, а субстанциальном смысле. Космическая организация здесь являет собой «срощение», «соединение, срастание» (Гесихий. D. D. В 137), а возникновение миров интерпретируется как процессуальная организация существующего, ибо «из несуществующего не может быть возникновения» (Плутарх. Против Колота, 8) и все одновременно есть «миропременение»: «перестройка миров» <μετακόσμησις> (Гесихий. D. D. В 138). Апейронная природа материи соотносится Демокритом с целостными характеристиками ее организации, мир же отношений и связей фундирован субстанциальным единством второго порядка, которое представлено им в картине «вихря». Атóнное основание наличного бытия у Демокрита реализует себя в форме бесконечной бесконечности, на что обращает внимание Филопон, сообщая, что «Демокрит и Левкипп принимали существование неделимых тел, бесконечных не только по числу их <всех>, но и по числу различных форм, так что, согласно этой теории, существует нечто более бесконечное, чем бесконечность» (Филопон. Комм. к «О возникновении и уничтожении», I, I, с. 12, 2), т.е. космическое мироустройство, преломленное через апейронное и вихревое свои состояния, реализует в бесконечности свою субстанциальную природу, детерминирующую различие атомов

как множественность первоначал, которые могут быть, «как говорит Демокрит, одними и теми же по характеру <γένος>, по фигуре <σχήματι> же и по форме <εἶδει> различными» (Аристотель. Физика, I, I). В демокритовском вихре осуществляется формирование единицы размерности как основания соизмеримости – шарообразности. В сообщении Диогена Лаэртция это выглядит следующим образом: «Вследствие многочисленности атомы не могли уже носиться <δυναμένων>, не нарушая равновесия <ισορρόπως>. Мелкие из них улетучились во внешнюю пустоту, как бы рассыпавшись. Остальные же сплотились, переплелись, наскочили один на другой и образовали некоторое первоначальное <πρωτόν> шарообразное <σφαιροειδές> соединение <σύστημα>» (Диоген Лаэртций, IX, 31). Сферообразная система в дальнейшем выполняет у Демокрита образчиковую функцию в конструировании зримого космоса, а сама сфера служит реперной точкой в области оценки многообразия метрического, что и зафиксировано Аристотелем в следующем сообщении: «Левкипп и Демокрит из Абдер ... Ведь тела отличаются своей формой, но так как число форм бесконечно, то бесконечно и число <различных> простых тел. Какова же и какого рода форма каждого из элементов, они при этом не определили, только огню они придали форму шара (О небе, III, 4). Принцип сферичности ассоциируется в мышлении Демокрита с самоподобием, т.е. с тем, что во всех проекциях и ракурсах выражает себя тождественным образом и выглядит как одно и то же. Проективное отображение движения тождественного при этом подчиняется принципу исорропии, а само движение имеет вид пульсации как способа удержания самоподобного существования действительности или сохранения равновесного состояния существующего объекта. Поэтому и Земля в условиях отсутствия причин, устремляющих ее в какую-либо определенную сторону, остается, по мысли Демокрита, в равновесии и «только колеблется, но не движется» (Аэций, III, 15, 7). Статус колебательного движения Демокрит оценивал столь высоко, что считал «это

движение не только первичным, но и единственным движением элементов» (Симпликий. Комм. к «Физике», 1318, 33), придавая ему вид собственного или родового движения, как это следует из сообщения Аэция о том, что «Демокрит признавал один род <γένος> движения – движенье вибрации <παλμῶν>» (Аэций, I, 23, 3).

Структурировав состояния и движения материального мира в их имманентных схемах и явно выраженных процессах, Демокрит концептуализировал грамматические основы естествознания, последующее развитие которого конкретизировало языковую адекватность его представлений о действительности в виде ее отображения в форме научной истины. «Используя терминологию синергетики, – отмечает Г. Хакен, – можно сказать, что языки – это параметры порядка, подчиняющие себе подсистемы, которыми являются люди» [8, с. 381]. В историческом аспекте это означает, что современная наука должна быть благодарна философу Демокриту как творцу языка объективности – атомистического учения, в котором человечество впервые обрело объективную истину как содержание познания в соответствующей ей субъективной форме – в форме теоретического естествознания.

### Литература

1. Виц, Б.Б. Демокрит. – М., 1979.
2. Гегель. Сочинения : в 14-ти т. – Т. 9. – М., 1932.
3. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений : в 55-ти т. – Т. 29.
4. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения : в 50-ти т. – Т. 3.
5. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения : в 50-ти т. – Т. 20.
6. Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса. – М., 1986.
7. Форд, К. Мир элементарных частиц. – М., 1965.
8. Хакен, Г. Синергетика. – М., 1980.
9. Kothari, D.S. Some Thoughts on Truth. – New Delhi, 1975.